Смелая

Автор:
Роуз Макгоуэн

Смелая

Роуз Макгоуэн

Современные биографии

Книга «Смелая» – это голос поколения смелых женщин, которые не боятся говорить о давлении со стороны общества, об изнасилованиях и о домогательствах.

Роуз Макгоуэн

Смелая

Brave

Rose McGowan

© Наталья Селянцева, перевод

© ООО «Издательство АСТ»

© Rose McGowan, 2018

* * *

Дорогой читатель!

При переводе этой книги на русский язык мы старались сохранить яркие речевые обороты, которые использовала автор в оригинале, и особенности ее стиля изложения, чтобы вы смогли пережить ее опыт. Некоторые фрагменты могут показаться странными или непоследовательными, но именно так, под влиянием эмоций, автор рассказала свою историю всему миру.

От автора

Моя жизнь всегда состояла из крайностей. Смелая, книга, оказалось, ничем не отличается. Пока я ее писала, меня взломали, за мной следили, шпионили, крали части рукописи. В мою жизнь проникли израильские шпионы и преследующие меня адвокаты, одни из самых чудовищных на земле. Злые люди преследовали меня на каждом шагу, пока я воскрешала призраков, которые скрывали мои секреты. Я могу только сказать: книга стала чрезвычайно напряженным, невероятным поступком, который потребовал серьезной подготовки. Другого выбора никогда не было. Правосудие восторжествует.

Так и было. Я безмерно горжусь тем, что приложила руку к глобальной катастрофической расплате и искоренению монстров. Я искренне считаю, что победа одного из нас – это победа для всех нас.

Несколько лет назад я поняла, что общество необходимо воспламенить Историей, поэтому я начала высказывать свое несогласие. Я решила открыто бороться с машиной, производителями мифа, самими газлайтерами, священными мужами Голливуда. Слишком долго они были на вершине и скрывались от возмездия за преступное поведение. Я хотела сделать так, чтобы невозможно было отвернуться. И тогда прошли выборы в США, сделав сексизм понятием, которое стало гораздо труднее отрицать; они открыли путь к очевидной истине тем, кто так долго закрывал на нее глаза.

В начале 2017 года я проработала над «Смелой» в течение нескольких месяцев, когда начала общение с двумя журналистами-расследователями. Пришло время.

История приняла много поворотов в ходе работы, и я горжусь тем, что приложила руку к началу всемирного разговора.

Так как я и много храбрых выживших выступили, титаны всех отраслей были свергнуты. Мы, выжившие, получили нашу силу. Мы, выжившие, используем наши голоса в рекордных количествах. Мы не можем остановиться, и как бы тяжело это ни было, мы должны становиться еще громче, двигаться вперед еще быстрее. Мы все имеем значение. Мы все важны.

За свободу, твою и мою.

Теперь изрыгни огонь.

РМ

Предисловие

«Ты с кем-то рассталась?»

Сначала вопрос меня разозлил. Я сочла его сексистским, стереотипным, приводящим в уныние. Никакие мертвые отношения не заставляли меня так искать свободы, что я изменяла саму себя. Чем больше задавали вопрос о разрыве, тем больше он заставлял меня размышлять о мотивах поступка. Я поняла, что рассталась с кем-то. Я рассталась с тобой. Коллективной тобой, общественной тобой. Я рассталась с голливудским идеалом, к которому я сама приложила руку. Идеальная версия «женщины», которая продается каждой актрисой в любой рекламе шампуня, напутствуя: «Вот в чем секрет быть манящей, добиться, чтобы мужчины тебя хотели». Длинные, блестящие волосы по-кардашьяновски, которые твердят: «Трахни меня, здоровяк». Как будто в этом все, что мы есть, и все, что мы можем. Волосы. Волосы, с которыми я рассталась. К расставанию я шла годами; потребовалось много времени, чтобы пробудить меня от сна с промытыми мозгами. Мои длинные волосы всегда доставляли мне неудобство. Они заставляли мужчин смотреть на меня, пока я настоящая исчезала. Я обычно прикрывала ими лицо, чтобы подглядывать сквозь них, спать под ними. И я спала. Настоящая Роза спала, а фальшивая Роза

жила странной альтернативной жизнью, играя роль кого-то, кто играл роли.

Бо?льшую часть жизни у меня были короткие волосы. Мне так больше нравилось. Классические кинозвезды и панк-женщины, которыми я больше всего восхищалась, носили короткую стрижку. Мне очень нравилось быть личностью. Мне нравилось выглядеть ни мужчиной, ни женщиной, а кем-то средним. Два периода времени, когда у меня были длинные волосы, были самыми тяжелыми в моей жизни, когда я теряла себя – мои подростковые годы, когда я страдала от бушующего расстройства пищевого поведения, а затем, когда я страдала психическим расстройством под названием Голливуд. Голливудское расстройство длилось гораздо дольше, но в обоих случаях я сталкивалась с отсутствием самой себя. Оба периода управлялись общественной пропагандистской машиной номер один – Голливудом. Мне сказали, что нужно было отрастить длинные волосы, иначе мужчины, которые давали работу в Голливуде, не захотят оттрахать меня, и если они не захотят трахнуть меня, то работы не будет. Об этом мне рассказала моя агент – женщина, что трагично на многих уровнях. Так, зло и так, грустно. Зло, потому что я получила информацию от пожилой женщины, которая была рупором того, чего хочет Голливуд. Грустно, потому что она была права. Это сообщение передается для всех женщин и девочек, говоря нам иметь длинные волосы, чтобы мы тоже могли быть сексуальными, но я получила прямое сообщение, как телефонный звонок с горячей линии чего хочет «мужчина».

К черту Голливуд. К черту сообщения. К черту пропаганду. К черту стереотипы.

Если ты Дженнифер Лоуренс, любимый типаж Америки, у тебя просто светлые волосы. Если ты мегера, то они длинные, темные, и объемные. Таковы правила, ни шагу в сторону. Мои длинные волосы были красивые, как у участницы конкурса красоты. Меня стригли геи, и я была их ожившей Барби; по крайней мере так они мне говорили. Я не думала, что выгляжу, как Барби. Я считала, что я больше похожа на надувную секс-куклу, типа той, что с отверстием для рта. Я превратилась в вершину фантазийной секс-игрушки голливудской машины. Все мужчины и женщины, нанятые, чтобы заставить меня выглядеть, как пресловутая фантазийная секс-игрушка, поработали на славу, но я умирала внутри и раздражалась от собственного внешнего вида. Но я не знала, как изменить то, что было неправильно, когда на стольких уровнях моей жизни все пошло наперекосяк.

Я встречаю так много женщин и девушек, которые говорят мне, что их волосы служат защитным одеялом, и они прячутся за ними. Я считаю, что это не просто узнаваемо, а душераздирающе. Конечно, ты можешь иметь длинные волосы, если ТЕБЕ нравятся длинные волосы, но углубись в свои мотивы. Какую роль играет общество в том, чтобы приказать тебе, как выглядеть? Какую роль играют средства массовой информации, приказывая тебе, как выглядеть? И если ты прячешься за волосами, почему ты хочешь прожить жизнь, скрываясь, и от чего ты скрываешься?

Когда я побрила голову, это был боевой клич, но прежде всего мой поступок дал мне ответ на вопрос, который я так ненавидела.

Я с кем-то рассталась?

Да, я рассталась со всем миром.

Ты тоже можешь.

Меня зовут Роуз Макгоуэн, и я СМЕЛАЯ.

Часть первая

Дитя Бога

Вот в чем загвоздка секты: они повсюду.

Если ты любишь семью Кардашьян, ты в секте. Если ты смотришь любимое телевизионное шоу и сидишь в чатах, где все с ума по нему сходят, обсуждаешь эпизод за эпизодом, ты в секте. Если ты запоем сидишь на новостном ресурсе, просматриваешь его, вытягиваешь из него максимум информации, особенно если он объективен, ты в секте. Ты проживаешь жизнь через призму других людей. Если ты вслепую голосуешь «за того-этого», ты в секте. Если ты

варишься в котле пропаганды в собственной стране, ты в секте. Оглянись и посмотри вокруг, секта повсюду. Где бы ты ни сталкивалась с коллективным мышлением и коллективной ментальностью: ты в секте, ты в секте, ты в секте.

Первый шаг к освобождению от секты лежит в понимании того, что ты уже там. Я знаю, я избавилась от двух наиболее знаковых сект всех времен.

Тем, кто знает меня как актрису, я хочу сказать, что я совершенно другой человек. Я играла роль того, кто играет роли. Меня зажало в капкан строгих общественных идеалов и гендерных ожиданий людей, которых даже не должно было быть рядом со мной. Мне так глуууубоко промыли мозг. Я рано сказала «нет» промыванию мозгов, но голливудский Культ Мышления все-таки добрался и до меня.

Моя жизнь безвозвратно изменилась в день, когда я превратилась в пиксель, лучом долетевший до спутника и назад, разорвавшийся в гостиных, спальнях, жизнях. Моей работой было на время отвлечь тебя от проблем, заставить чувствовать сострадание, вообще заставить чувствовать. Я серьезно относилась к работе. Но, как и в большинстве культов, как женщина, я воспринималась в качестве объекта обладания. Меня продали ради удовольствия публики. Давно запрограммированные мужчины (и женщины) зарабатывали, продавая мою грудь, мою кожу, мои волосы, мои эмоции, мое здоровье, мою жизнь. Меня не воспринимали всерьез и не уважали. Ни бо?льшая часть общества, и конечно, ни голливудская секта с ее массово эксплуатируемым комплексом Мадонны/Шлюхи.

Представь, что твоя ценность в компании, где ты работаешь, определяется количеством семени, извлеченным из безымянного множества мужчин. Ведь ты знаешь, если странные мужички мастурбируют под твои фильмы, ты чего-то стоишь. Как будто про проститутку говорят, да? Ты недалеко ушла.

Представь, что каждое слово, вылетающее из твоего рта почти семнадцать лет, день за днем, месяц за месяцем, точка зрения за точкой зрения, раз за разом, написано за тебя узколобой особью мужского пола. Это за гранью, это глубоко ненормально.

У меня ушло много времени на понимание того, что я была частью другой секты, так как я была слишком занята проживанием жизни других людей, а не своей. Рассказывая историю собственной жизни, я возвращаю ее себе.

Но начнем сначала, правда?

В каменном амбаре крошечного провинциального итальянского городка Гертальдо в руках слепой повитухи, как говорят, я появилась на свет. Есть американская поговорка: «Закрой дверь! Ты в амбаре родилась?» Пожалуй, я не обязана закрывать дверь, если я не хочу. Имею право. Полагаю, иногда ты заклеймен странностью при рождении, и это мой случай.

Амбар стоял во владениях герцога Зоагли, известного как герцог Эммануэль, который передал имущество и земли Божьим детям, войдя в их секту. Его сестра Роза Арианна жила на его территории и ненавидела членов Детей Бога по соседству. Родители назвали меня в ее честь, Роза Арианна, думаю, чтобы она меня полюбила. Не вышло.

Там на покатых холмах близ Флоренции царила неописуемая красота, темно-зеленые кипарисы и серебряно-зеленые оливы, виноградники и фруктовые сады, огромные терракотовые кувшины, в которых цвела герань. Пожалуй, если приходится быть в секте, то такое место не хуже иных прочих.

Нет, лучше, особенно в раннем детстве. Я видела красоту и знала, что она была необычайной в своей буйности. Я льнула к природе, чтобы сбежать от того, где родилась. В конце концов, меня всегда тянуло к формам, цветам, светлым узорам, и итальянская провинция преследовала меня всю жизнь, но в хорошем смысле.

С раннего детства я помню, что много слышала о жутком старике «Моисее» Давиде Берге, нашем бесстрашном главе Божьих детей. Он присылал свои указания в форме карикатурных брошюр «Письма Мо». Что бы Моисей Давид ни писал, все выполнялось. Каждый раз письмо приравнивалось к слову правителя вселенной. (Примерно как руководитель студии в Голливуде.) И я думаю, как самопровозглашенный пророк Моисей Давид оказался Королем подонков. Но не все об этом знали. Некоторые никогда не узнают.

Я помню много волосатых ног, мужских и женских, как в мультфильмах, где ты видишь только ноги взрослых, потому что ты ребенок. Я помню много песен, молитв, аплодисментов и щелчков. Да, щелчков. Мне рассказывали, что приходилось сидеть на полу весь день и учиться щелкать пальцами, или Бог не научит меня водить машину, когда мне будет шестнадцать. Я не понимала

ничего ни про шестнадцать, ни про вождение, но даже тогда я могла определить щелканье пальцами как ключ к чему-то абсурдному.

Одним вечером женщина в белой рубахе, похожая на привидение, зашла в комнату, где сидела я. Она походила на тень со свечой в руках – не было электричества. На улице разыгралась непогода, и я помню, как деревянные ставни стучали по старому стеклянному окну. Я волновалась, что они разобьют окно, но теперь мое внимание отвлекала женщина в белом, сидящая у моих ног. Ветер выл в трещинах камня, и ее было плохо слышно. Ветер утих, она посмотрела мне в лицо и сказала: «Ты впустила Господа в свое сердце?»

Я села, посмотрела на нее, тщательно подумала и покачала головой в знак отрицания.

Женщина щипает меня за ногу и выкручивает кожу. Я не собираюсь плакать, потому что я знаю, что она этого добивается. За такой отказ следовало наказание. Телесные наказания, пощечины, шлепки, потому что «Учи, пока поперек лавки укладывается, а во всю вытянется – не научишь». Она выкручивает сильнее. Я закусываю губу и не плачу. Я пристально смотрю в ответ, полна тихого отрицания.

Женщина говорит снова, на этот раз на немецком: «Hast du Gott in dein Herz gelassen?[1 - Ты впустила Господа в свое сердце?]»

Я думала и отвечла: «Нет. Не сегодня. Попробую завтра».

Она дает мне пощечину. Сильно.

Даже в том нежном возрасте я осознавала, что если я приглашу его в свое сердце, он будет их богом. Он перестанет быть моим богом, которого я бережно охраняла. И их бог был жесток. Их проповеди не несли смысла, действия противоречили словам. Я не хотела жить в такой реальности.

Позже моя младшая сестра Дейзи убеждала меня просто отвечать «да», что было бы легче, но я продолжала получать наказания. Я была, как предсказало имя, колючкой, а сестра – маленькой светловолосой милашкой. Я смотрела на нее и не понимала, как она попала на свой путь и как она не могла понять, куда идет. Странное чувство – расти за этими стенами и слушать, что тебе не место

во внешнем мире и знать, что в стенах тебе тоже нет места.

Когда та женщина или иная, или мужчина – все незнакомцы, возвращались вечер за вечером, я повторяла заготовленный ответ: «Нет, нет, я не впустила Господа в сердце».

«Пощечина».

Одним вечером я услышала шепот женщины на немецком и звук ее шагов. Я знала, что мне снова будет больно.

«Нет».

«Пощечина».

Когда она ушла, я увидела, что она оставила на матрасе Библию – все дети спали на тонких оранжевых или пластиковых голубых матрасах. Я спрятала ее Библию за шкафчиком. Каждый день я вырывала из нее по странице, клала кусочек в рот, пережевывала, добавляла еще кусочек и выплевывала слюнявыми каплями. Затем я лепила из комочков Библии крошечных животных. Я прятала их за шкафчиком и время от времени навещала, когда была минутка. Вот мои игрушки, наполовину слюна, наполовину Иисус.

Я представляла себе, что, пережевывая их Бога, я, возможно, могла ответить «Да, я впустила его». Может быть, они перестали бы меня наказывать.

Удары и толчки передавали сообщение, что нельзя быть небезупречной. В возрасте примерно четырех лет у меня вскочила бородавка на большом пальце. Я ковыляла по длинному коридору, когда одна из дверей открылась. Я помню луч света и летящие пылинки. Мужчина с косматыми светлыми волосами поднял меня, посмотрел мне на руку и сказал: «Безупречность во всем». Он взял бритву, одним движением резанул мне по руке и, подмигнув, поставил на пол. «Безупречность во всем», – повторил он и закрыл дверь, оставив меня в коридоре. Я не плакала, я лишилась дара речи. Кровь текла по руке, и я закапала весь проход. Кровь текла по пальцам, красный цвет оказался странно приятен. Как и рука, я онемела. Я знала, что нельзя реагировать, потому что, во-первых, они ждали от меня чего-то подобного, и, во-вторых, может быть, в идее совершенства была какая-то суть. Я пошла дальше.

Нападение в коридоре предварит рассказ о том, что выедало мне мозг годами, о совершенстве как самозащите. Я сказала себе, что, если буду достаточно совершенна, у меня все будет хорошо. Если я буду достаточно совершенна, меня оставят в покое, и никто не захочет причинить мне боль.

С тех пор я стремилась к совершенству, потому что не знала, что иначе со мной случится. Я боялась любых отклонений. Я была уверена, что любой промах навлечет рок. Но сначала я должна была выявить свои недостатки. Так появилась привычка относиться к себе невероятно жестко, видеть себя изнутри. Я начала осматривать руки и ноги, чтобы не пропустить растущих бородавок. В нашей секте не было зеркал. Когда я позже стану частью культуры, которая так сконцентрирована на внешнем виде – Америка и затем Голливуд – она проделает дыру в моем сознании.

Забавно, что абсолютно противоположно идее секты о совершенстве отец учил меня и моих братьев и сестер, ни при каких условиях не тешить эго. Нашей задачей было внутреннее развитие, развитие души и ума. Получается, мы должны были быть физически совершенны, но смиренны перед лицом собственного совершенства? Никогда не была уверена. Я знала, что о себе нельзя думать хорошо. Господь накажет за то, что я считаю себя классной.

Ни разу за время взросления мне не говорили, что я умная, находчивая или красивая. Я не знаю, каково это. Мне никогда не говорили, что я могу сделать все, что мне взбредет в голову. Мне говорили, что я ничего не стою в глазах Господа. Мне говорили, что я буду шлюхой. Мне говорили, что я грязная. Дело в том, что я знала, что они не правы, но слова причиняли боль.

С ранних лет я помню чувство ярости, когда никто меня не слушает, потому что я ребенок. Это так несправедливо. Я ненавидела быть маленькой и бессильной. Я смотрела на людей в «Детях Бога» и думала: Но все, о чем вы говорите, я бы разгадала в два счёта, если бы вы, взрослые, просто послушали, что я говорю, но меня никто не слушал. Потому что я была девочкой. Это оставило отпечаток на всю мою жизнь. Я была рождена бунтаркой – не ради факта самого протеста, а потому что, если ты можешь видеть вещи, какими они есть, определяешь источник проблемы и ее решение, почему ты не можешь исправить это? Но никто не хотел слушать меня. Они просто посадили меня за маленький детский столик. Похоже на то, что было потом в Голливуде. Просто девочка, то-то и оно.

Мои единственные друзья во время моего пребывания в Детях Божьих были мой старший брат, Нат; мой любимый ягненок, Аньелло; и старый седой фермер по имени Вонючий Фернандо. Вонючий Фернандо подозрительно относился к купанию. Его запах впору было жевать, такой он был стойкий. Мне приходилось дышать через рот, когда он был рядом. Однажды я услышала крики Вонючего Фернандо. Мой отец и некоторые другие члены церкви взяли его за руки и ноги и бросили в реку. К сущему удивлению Вонючего Фернандо его кожа не растаяла.

Вонючий Фернандо брал нас с Натом в старый сарай и показывал нам выцветшие журналы «Плейбой», кормя нас несвежими Кит-катами. Истинное наслаждение. Я задавалась вопросом о женщинах в журналах. У них не было волосатых ног, что смущало. Мне очень понравились прогорклые шоколадки. Я любила конфеты больше, чем их Бога.

Я кормила моего питомца, ягненка Аньелло, из бутылочки и помогала заботиться о нем. Мой первый питомец. Однажды вечером я откусила кусок за ужином, а худая женщина со злым лицом и прямым пробором в волосах начала смеяться. Другие присоединились, и вскоре все смеялись. Я не понимала, над чем они смеются, пока мне не объяснили, что на ужин подали Аньелло. Я сидела в ступоре, пока вокруг все смеялись. Я глотала слезы и чувствовала стену холода в сердце по отношению к этим людям, что-то, превращающееся в каменную ненависть к их чудовищным лицам. У них была особенная жестокая черта, и они любили выводить из себя молодых людей. Вот ведь любители Христа, да? С тех пор я не ем ягнятину.

Я начала злиться. Злиться на несправедливость, которая только росла. Злиться на правила, которые казались и были деспотическими. Я решила, что лучшим вариантом был поджог. И однажды мой брат решил поджечь стойла. Он тоже был в ярости. Я, конечно, тоже хотела поучаствовать, и я побежала помогать. В амбаре брат достал коробок спичек. Он начал поджигать их и бросать на кучки сена на каменном полу. Шшшух. Огонь перекинулся на стены и потолок. Соломенная крыша затрещала. Я пыталась затоптать горящие кусочки крыши, но была слишком мала, и было уже поздно. Я топала и топала, но не могла потушить пламя. Если бы я знала слово «блять», я бы его сказала. Крыша трещала все больше, и становилось жарко. Я поняла, что мы попадем в крупные неприятности, если выйдем и попадемся взрослым. Но вокруг все горело.

Мы решили бежать.

Здесь я должна рассказать об омерзительном наказании за поджог, но я его не помню. Я помню, как боялась, что нас найдут. У меня было чувство, как будто кожа слезет от страха. Вот какая получилась бы сцена из фильма:

Крепкий светловолосый мальчуган и тоненькая девочка-эльф прячутся от отца. Неожиданно две пары рук хватают их за ворот рубашки и тащат. Поворачивая на тропинку в лабиринте, дети проходят сквозь строй злобных сектантов. Сектанты тащат детей к Всеобщему судье. Всеобщий судья восседает на троне из мягкого дерева. Молодые обнаженные женщины, с тяжелыми грудями и круглозадые, на коленях, восхищенно и благоговейно глядят на опасного лидера. Лидер откидывает голову назад, глаза закрыты. Ему поклоняются. Он нашел небеса на земле. Женщины втирают масла и лосьоны в кожу вождя, их руки порхают, пока они напевают. Всеобщий судья открывает глаза и указывает на мальчика и девочку. Позор начинается.

Похоже на голливудский фильм, верно? Может быть, мы недалеко ушли. На самом деле, моя жизнь как актрисы началась в секте. Нас заставляли выходить группами и петь в местных сиротских приютах и больницах или выступать на улице. Петь песни Иисуса на улицах Рима с шляпой передо мной, попрошайничать. Когда шляпа наполнялась монетами, появлялись руки, которые их забирали. Мне давали нести пустую шляпу. Боже, спасибо. Это была моя работа, которая приносила деньги, и меня бесило, что приходилось отдавать заработок. Я видела, как гуляют обычные семьи с детьми, с мороженым и конфетами, и я думала, как они живут дома. У них есть кровать? У нас были пластиковые матрасы, и я мерзла по ночам. Девочки носили красивые платья; на мне был линялый коричневый комбинезон и сандалии. Руки и ноги пачкались, и я старалась их прятать от чистых детей. Часами мы стояли и пели эти проклятые песни, палимые солнцем, в дождь, не важно. Мне было пять или около того. Ножки так саднило от долгого стояния, но я знала, что присядешь, и быть беде.

Нам приходилось возвращаться с деньгами, иначе против семьи начинали принимать меры. Я чувствовала напряжение взрослых, когда «Системники» (так называли людей вне культа) отворачивались и не обращали внимания на нас и наши брошюры. Мало дохода значило мало еды. Неудивительно, что частенько голодали. Еда нормировалась. Если мы возвращались без достаточной суммы, еду отдавали другой семье в качестве наказания нам. Если ожидалось посещение журналистами или потенциальными членами секты, нас откармливали белым рисом, молоком и сахаром. Мы набивали живот до отказа,

но я обожала такую еду, потому что хотя бы была сыта. Вдобавок мой любимый сахар.

Иногда местные СМИ приглашали осветить наши добрые дела. «Чтобы увидеть, какую великую работу мы выполняем в Детях Бога, присоединяйтесь к нам». Смотрите, мы не кучка придурковатых хиппи, какой же придурок будет так хорошо петь песни Иисуса?

Меня отправляли развлекать детей в больницах. Помню, думала: Дети, если сегодня ваш последний день на земле, простите, что мы заставляем вас слушать мое пение об Иисусе. Я тоже не хочу здесь быть. Простите.

Но хотя было неловко выступать в больнице – и может, звучит странно – я всегда знала, что буду знаменитой, даже до того как я поняла, что такое слава. Получился неизбежный вывод. Я не могу его объяснить.

Как-то в детстве меня взяли в кино. Оно оказало на меня огромное влияние. Я не знаю названия. Оно было итальянское. Исполнительница главной роли с черными, как вороново крыло, волосами играла медсестру. На ней была крахмально белая форма и небольшая белая шляпка. Она плакала и кричала в телефонной будке на своего женатого любовника-доктора, который бросил ее. Она подняла руку и тыльной стороной размазала помаду по лицу. Она рванула на груди рубашку, так что отлетели пуговицы. Оголилась грудь, она вынула помаду из сумочки и стала рисовать ей по груди, как дикая. У меня захватило дух. Это было прекрасно. Я хотела волосы и помаду, как у нее. Наконец я увидела гламур в своей юной жизни, и я знала, что он для меня. Ощущение неправильной жизни усилилось.

В какой-то момент отец нашел Брауни, старый фотоаппарат, поэтому немногочисленные фотографии моего детства выглядят суперстарыми, и они в основном черно-белые. Я наблюдала, как отец снимал предметы и людей. Потом стала играть с ним сама. Я научилась видеть вещи сквозь рамку. Смотря через плохую линзу, я чувствовала, что могу видеть больше, и все, на что я смотрю, имеет историю. Скоро я почти всегда была не в себе, смотря, снимая и запечатляя все, что происходило, обращая внимание на все: звуки, запахи, вкусы, события, людей. Только теперь я понимаю, что раннее обособление было нужно, чтобы справиться с травмой. Взгляд сквозь линзу был механизмом копирования, который я применяла в жизни. У него имелась и положительная сторона: моя любовь к фотографии и камере. Но в основном он дал мне способ

поставить что-то между мной и миром, и новый угол зрения. Каждую деталь я видела сквозь линзу. Потому что ничего на самом деле не происходит, если меня уберут, а?

Также я искала спасения в книгах. Слова были моим утешением и моими спасителями, когда я была мала, и до сих пор ими остаются. Слова, разные жизни, разные века, так я выжила.

Книги продолжили мое образование на пути к актерству, потому что я залезала в шкуру любого персонажа, о котором читала. Ею могла быть крепостная, а могла и королева. Я изображала осанку, все о герое, о котором читала. Когда я дочитывала книгу, я оплакивала героя, потому что он умирал. Я серьезно относилась к книгам. Но не к книгам Детей Бога. Я не понимала, как им можно верить. Эти Письма Мо были такими… ну, глупыми. Тяжело понять, как столько людей купились на них.

Тем временем верования и практики Детей Бога становились все опаснее. Моисей Давид, наш пастырь, заставлял женщин делать то, что называлось «рыбалка флиртом». Он отсылал их – а это были почти девочки, на самом деле – соблазнять мужчин в кафе и барах. Мужчины просыпались, будучи частью секты. Моисей Давид окрестил девочек «Шлюхами во Христе». «Шлюхи во Христе»? Иди ты на хер, Моисей Давид, кусок дерьма. Будь проклят за всю боль, которую ты причинил. В конце дня оставалось только мужское доминирование и секс как инструмент контроля над разумом. Красивые женщины становились основными мишенями, похоже на Голливуд. И как в Голливуде, некоторые женщины помогали Моисею Давиду наносить вред остальным.

Секта была высоко сексуализированным организмом, управляемым мужчинами в интересах мужчин. Отец любил ее, я видела. Я помню, как стояла в углу, наблюдая за проповедью отца из похожего на трон ротангового кресла. Женщины и девочки на коленях пялились на него с сонными выражениями лиц. Женщины буквально молились у его ног. Помню, как смотрела на коленопреклоненных женщин. Я никогда не буду такой, как эти женщины, думала я. Никогда. Она меня вымораживала. Оглядываясь, могу сказать, что то время для отца было самым радужным. Злоупотребление властью было неизбежным, и на свое место он попал именно так.

Однажды отец сказал моей очень молодой матери: «Шафран (имя матери в секте), я хочу жениться на этой женщине». Черт возьми. Наверняка отстойная

затея. Много раз я хотела вернуться в прошлое и надрать отцу зад, например, в этот момент. Родная мать моей несчастной матери только что трагически скончалась. Отца не стало. Она была одна в секте в чужой стране с кучей детей, которых ей пришлось родить, и теперь это? Это был удар. У нее не было выбора, и он женился на другой. Вот почему мои четыре младшие сестры и брата – двое родных, двое сводных – имеют маленькую разницу в возрасте.

Дети Бога начали продвигать секс детей со взрослыми как способ «жить по законам любви», что само по себе отвратительно и преступно. Я видела, как одиннадцатилетнюю девочку заставляли сидеть рядом с голым мужчиной с вялым членом на ноге. Ее заставили сесть ему между ног, чтобы он «массировал» ей спину. Я видела ее слезы. Даже тогда я знала, что ничего из этого не было «нормальным», чтобы не значила нормальность. Я думаю, не существует «нормального», но есть нечто глубоко неправильное, чего нужно избегать любой ценой.

Мне жаль себя маленькую, которой приходилось выживать с возраста трех или четырех лет. Я не знала, что такое чувствовать себя в безопасности. Вместо этого был стресс и глубоко внутри страх во всей коммуне. С раннего возраста я понимала, что до детей никому нет дела, что калечит, если ты и есть тот самый ребенок.

Неприятной необходимостью в той среде было умение сопротивляться опасности. Я в этом преуспела. Я умела, войдя в комнату, определить оружие. Я обыскивала местность глазами, находя, чем причинить побольше урона и защититься от нападения. Мой быстрый ум и скоростное мышление спасали меня всю жизнь наравне со способностью драться. Я всегда чувствую пятой точкой, и моя интуиция не подводит. Плохо, что я не пользовалась ей в Голливуде. Поберегла бы сердце. Она могла спасти меня от неизмеримой травмы.

В любом случае, мое «перехитри-и-переживи» мышление хорошо служило мне в детстве. К счастью, из-за малого возраста я избежала надругательства, или, возможно, моя привычка носить короткую стрижку и обноски брата спасла меня. Бо?льшую часть времени меня считали мальчиком. Хотя и мальчикам доставалось. Черт, наверное, со мной было слишком много проблем.

Дело было только во времени, но к счастью для нас, терпение отца лопнуло на педофилии, и он втайне решил уезжать. Мы не могли объявить об отъезде

и просто уйти. Когда в секте проходил слух, что кто-то собирается покинуть ее, мог пропасть ребенок, или семья получала суровое наказание в назидание остальным.

Так что одной ночью отец представил нам какого-то Бепо, и он приехал за нами с молотком. Нас ждала машина, мы загрузились, и прочь, прочь, прочь.

Сначала мы сбежали в местечко Мунано, небольшой город в итальянской Тоскане. Мы жили во многовековом каменном доме, где мы кипятили воду и мылись в круглой ржавой металлической ванне.

Мы были всклокоченными детьми в хиппарских обносках. Я привыкла, что вокруг много детей, и было странно жить в комнате только с четырьмя, когда вокруг так мало людей, даже если это семья, а не «семья».

Отец бросил Детей Бога физически, если не ментально, забрав свою вторую жену Эстер. Что касается матери, я только знаю, что она осталась. В секте было так много женщин, что я не смогла узнать маму как личность. В моём будущем образе жизни появился ещё один дестабилизирующий элемент.

Раз мы жили в маленьком средневековом городе, меня отправили в первую общеобразовательную школу, что смутило меня. В секте мы носили то, что налезало из кипы отданных и поношенных вещей, и я обычно носила вещи брата. Теперь мне было сказано надеть розовый рабочий халат на пуговицах. Мне нравился синий, и я спрашивала, почему не могу надеть его. Я попросила учителя объяснить, и она ответила, что девочки носят розовое. Только мальчики носят синее. Я подумала, что тупее отстоя я не слышала. Я впала в ярость из-за того, что теперь отличалась от брата по необоснованной причине. Я не понимала, почему должна носить розовое. Я и сейчас не понимаю.

У нас была соседка Антонелла. Она связала мне желтые шерстяные подштанники, которые были неудобными. Они были огромные, комкались и сползали, если не подвязать. У меня всегда была аллергия на шерсть. У меня так чесалось тело по дороге в школу «Системников», что я сняла их и спрятала за кустом. Я пришла на площадку во время первой перемены. Мне было тяжело, потому что я не знала, что дети делают в обычной школе. Я не знала, что значит звонок и какие есть правила. В тот день девочки играли в итальянскую версию «Колечко, выйди на крылечко»: Amore, Tesoro, Salsiccia, Pomodoro! Сказав

«Pomodoro», девочки валились на спину и болтали ногами в воздухе. Я увидела, что ко мне идет девочка, чтобы позвать меня играть. Я вспомнила, что на мне не хватает белья, и замерла, стягивая свой розовый халат к низу. Девочка приблизилась и позвала меня играть. Я потеряла дар речи. Я живо затрясла головой, прижавшись к школьной стене. Я тянула халат вниз на случай, если она захочет вытащить меня играть. Девочка посмотрела на меня, как на сумасшедшую. Я все ещё молчала. Это была моя первая встреча с ребёнком не из секты, и я не знала, как с ней разговаривать. И я просто молчала.

Девочки сразу отшатнулись от меня и сочли высокомерной. Эх. Настроение остатка моей отрывочной учебной деятельности, да и моей жизни, было задано. Они знали, что я отличалась. Я знала, что я отличалась. Это было не ощущение, а данность. Не лучше, не хуже, просто другая. Я не вливалась в компанию. Я не стремилась к детям. На их языке я не говорила, да и не могла. У них были заботы, от которых я была далека; моей задачей было выживание. Когда с тобой случаются по-настоящему темные дела, на тебя приходится больше забот. По моим ощущениям мне, запертой в маленьком теле, было около восьми тысяч лет от роду, настоящий пришелец среди тех, кто понимал традиционные основы общества.

По пути в школу и домой я закапывала секретики. У меня был талант видеть насекомых в опасности. Я приходила в школу с опухшими глазами, пролив слёзы на самодельных похоронах жука. Я уверена, что ребенком я нервировала окружающих энергичностью. Я знаю, что это так, ведь я была примерно такая же, как сейчас, и я склонна нервировать людей по сей день. Я смотрела вглубь, мимо всего, всех паутин, за которыми люди часто прячутся, чтобы они могли рассказать себе историю о самих себе. Особенно тяжело приходилось отцу. Как я и сказала, он, возможно, ушел из Детей Бога, но потребность быть полубогом-проповедником никогда не покидала его, и вдруг он стал лидером секты без последователей. Он ждал, чтобы женщины и дети вокруг него поклонялись ему, а я никогда этого не делала. Наверняка, выбивает почву из-под ног некто, пристально смотрящий на тебя и отмечающий всю ложь, что ты нажил в жизни.

По иронии судьбы после всего, что мне пришлось пройти по воле отца, он читал мне нотации, как важно стать более ребячливой. Неужели он не видел причину, по которой это было невозможно? Если на ребенка ложится беремя выживания, его способность весело играть с куклами, как все хорошие девочки, под угрозой. Я могла возложить эту новость к ногам отца.

Вспоминая прошлое, я понимаю, почему отец прожил жизнь иначе; он реагировал на собственное воспитание. Что ж, это и уникально особенный склад ума. Его отец, мой дед Джеймс Роберт Макгоуэн, был патриотом Америки, моряк до мозга кости. Сложный, пьющий и крепкий. У деда осталось пять детей не старше восьми лет, когда он ушел воевать в Корею. Его жена, Нора, психически неуравновешенная красотка из Квебека, осталась во время войны воспитывать детей в одиночестве. Когда бабушка Нора узнала, что у дедушки Джима появилась корейская любовница, на ее редкие приступы психического расстройства не стало сладу. Так мне рассказывал папа. Флот отдал ее в психушку, и последовала электрошоковая терапия. Такого рода лечение находилось на самой заре: бабушка Нора была подопытным кроликом.

В этот период в детстве моего отца царил домашний хаос. Мой отец и его братья и сестры поочередно носили единственную пару обуви. Только ребенок в обуви мог идти в школу и пообедать горячим. Сердце сжимается, когда представляешь, как они писали поддельные записки корявым детским почерком от «родителей» бакалейщику с просьбой, пожалуйста, дать детям хлеб, а заплатить позже. Банда мужчин ворвалась одной ночью, когда они были одни, и разграбила дом. Дети спрятались в холодильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ты впустила Господа в свое сердце?

Купить: https://tellnovel.com/makgouen_rouz/smelaya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити